

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт психологии

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Под редакцией
А. Л. Журавлева,
А. В. Юревича

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2015

УДК 159.9

ББК 88

В 40

Все права защищены.

Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

В 40 **Взаимоотношения исследовательской и практической психологии** / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – 574 с. (Методология, теория и история психологии)

ISBN 978-5-9270-0307-5

УДК 159.9

ББК 88

Книга посвящена одной из наиболее острых проблем психологической науки и практики – проблеме взаимоотношений между ними. Авторы анализируют различные аспекты этих взаимоотношений – как когнитивные, связанные с психологическим знанием, так и социальные, коренящиеся в состоянии психологического сообщества. Выдвигаются и отстаиваются различные позиции в отношении влияния сложившихся взаимоотношений между исследовательской (академической) и практической психологией на развитие каждой из них. Книга состоит из двух частей. В первой рассматриваются общие когнитивные и социальные проблемы взаимоотношения двух разделов психологии, во второй – их взаимодействие в конкретных областях психологического знания и социальной практики.

Российский
научный
фонд

*Работа выполнена при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 14-18-03271*

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2015

ISBN 978-5-9270-0307-5

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

СОЦИАЛЬНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

- А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич.* Академическая психология и практика: история отношений и современные проблемы (вместо предисловия) 7
- А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков.* Пути и принципы взаимодействия теоретико-экспериментальной психологии и практики. 18
- А. В. Юревич.* Еще раз о «схизисе» исследовательской и практической психологии. 70
- В. А. Мазилев.* Психология академическая и психология практическая, их соотношение: прошлое, настоящее, будущее . . 91
- Е. Ю. Патяева.* Специфика знаний в практической и исследовательской психологии 146
- М. С. Гусельцева.* Культурно-деятельностная эпистемология как основание интеграции исследовательской и практической психологии. 179
- Т. Д. Марцинковская.* Вперед, в прошлое, или Снова о взаимосвязи теории и практики 214
- А. М. Двойнин.* Исследовательская и практическая психология: «схизис» или необходимый «люфт»? 229

Т. В. Зеленкова. Исследовательская и практическая психология: на пути от «схизиса» к «схезису» 265

Часть II

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В КОНКРЕТНЫХ ОБЛАСТЯХ
ЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ**

О. А. Артемьева. Предыстория «диагонального разрыва»: уроки социальной истории психоанализа, педологии и психотехники в России 311

С. А. Богданчиков. Советская исследовательская и практическая психология 1920–1930-х годов (к историографии вопроса) 337

О. В. Ракина. Исследование и практика в профессиональной подготовке психологов (современные проблемы) 385

И. Н. Семенов. Взаимодействие исследовательской психологии и практического человекознания в изучении и развитии рефлексивно-творческого мышления и личности 416

Е. Л. Доценко. Межличностное общение: между обыденным опытом и научной методологией 465

Н. С. Шадрин. Дезинтеграция психологического знания как препятствие анализу отчуждения личности и поиску практических путей его преодоления 494

Т. В. Дробышева. Взаимодействие исследовательской и практической психологии в изучении конкретного социально-психологического феномена 538

А. Н. Лебедев. Чувства национальной гордости и патриотизма как проблема исследовательской и практической психологии 556

Сведения об авторах 572

А. М. Двойнин

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: «СХИЗИС» ИЛИ НЕОБХОДИМЫЙ «ЛЮФТ»?

Введение: о «дьявольских» проблемах психологии

На протяжении практически всего периода существования психологии в качестве отдельной научной дисциплины в ней с упорством и постоянством обсуждаются проблемы, которые можно назвать «дьявольскими», ибо они, как проклятие для отрасли, забирают огромное количество интеллектуальных усилий психологов, бьющихся над ними без видимого прогресса в решении. Таковы проблемы предмета и метода психологии, естественно-научной и гуманитарной психологии и, конечно, разрыва между психологической теорией и практикой.

В некотором смысле прогресс в решении этих и других подобных проблем все же наблюдается, однако он сводится либо к рождению новых способов их постановки, либо к выявлению новых смыслов рефлекслируемых противоречий, либо к выдвиганию упрощенных решений, которые в силу своей односторонности или ограниченности не становятся общепринятыми в научном сообществе. При этом данные противоречия не дают покоя не только ученым, профессионально занимающимся теорией и методологией; как камни под ногами обычного психолога, они вынуждают его постоянно спотыкаться на пути своей научной или практической деятельности, неожиданно проявляясь при решении какой-нибудь конкретной профессиональной задачи.

Само отношение психологов к возможностям решения этих проблем весьма вариативно. Одни считают, что, если их не решить, то психология не сможет продуктивно развиваться, другие полагают, что эти проблемы надуманны, третьи утверждают, что их решение психология сможет найти только в отдаленном будущем, а чет-

вертые убеждены, что данные проблемы уже решены или что они вообще не влияют на ход конкретного исследования. При этом ясно одно: проблемы обладают высокой значимостью для психологов, провоцируя методологические дискуссии прошлого и настоящего.

Продолжительной историей обладают методологические дебаты о связи между психологической теорией и практикой, исследовательской и практической психологией. Например, в 1927 г. Л. С. Выготский писал, что выход психологии из кризиса возможен только путем построения подлинно научной психологии на основе единой методологии марксизма, в которой практика становится критерием истины и подтверждает или опровергает правильность психологической теории (Выготский, 1986). Ученый утверждал: «Как это ни странно и ни парадоксально на первый взгляд, но именно практика, как конструктивный принцип науки, требует философии, т. е. методологии науки» (там же, с. 388). Немного позже, в 1930-е годы, К. Левин предложил психологам изменить стиль научного мышления и перейти от формулирования эмпирических правил и обобщений к раскрытию универсальных теоретических законов, к построению подлинной научной теории (Lewin, 1931).

За XX в. психологи породили такое огромное количество разнообразных теоретических построений, концепций и различных практик (некоторые из них имеют весьма смутное отношение к науке психологии), что проблема сопряжения психологической теории и практики не теряет своей актуальности и сегодня, входя в разных обликах в содержание научных дебатов.

Психологическая теория и практика в контексте отечественных дискуссий о кризисе в психологии

В отечественной психологии в настоящее время констатируется разрыв («схизис») между ее исследовательской и практической составляющими, который обсуждается в контексте дискуссий о ее кризисе.

Российские методологи в целом достаточно единодушны во мнении, что психология сейчас находится в кризисном состоянии. В отечественных методологических спорах последних 20 лет тема кризиса, выйдя на передний план, продолжает оставаться стержневой и постоянно муссируется на страницах российских научных изданий. Разрыв между теорией и практикой, фундаментальной и практической психологией многими учеными идентифицируется в качестве одного из существенных индикаторов общего состояния психоло-

гии (Журавлев, Ушаков, 2011), в частности, ее кризисного состояния (Мазиллов, 2006; Орлов, 2012; Сухарев, 2012; Юревич, 2005; и др.).

Указываются и другие симптомы кризиса: отсутствие единой объяснительной модели психической реальности и методологический «беспредел», легализация парапсихологии и проникновение в науку псевдонаучных знаний и мн. др. (Завершнева, 2004; Мазиллов, 2006; Сергиенко, 2005; Теория и методология, 2007; Хомская, 1997; Юревич, 2005; и др.). При этом отмечается, что кризис затрагивает не одну из сторон психологии, а носит системный характер (Юревич, 1999, 2005). В. А. Мазиллов выделяет три уровня психологического кризиса: 1) роста (связанный с естественным развитием науки); 2) статуса (определяется флуктуациями между естественно-научной и герменевтической методологией); 3) коммуникации (связан с неадекватной трактовкой предмета психологии) (Мазиллов, 2007а).

Многие психологи в попытках охватить действительные масштабы кризиса идут дальше и предлагают смотреть на состояние психологии шире – в русле общенаучных тенденций, обозначившихся к концу XX–началу XXI в. Выясняется, что кризис общенаучен и связан с переоценкой идеалов научного знания, кризисом рациональности, влиянием постмодернизма, появлением так называемой постнеклассической рациональности, с переходом гуманитарных наук к постнеклассической стадии развития (Александров, Максимова, 2002; Аллахвердов, 2005; Гусельцева, 2006; Корнилова, Смирнов, 2006; Морозов, 2010). Устрашающие многочисленные критические сентенции психологов нередко «приправляются» утверждениями, что психология находится в кризисе перманентно (Аллахвердов, 2010; Мазиллов, 2007б; Поддяков, Вальсинер, 2005; Теория и методология, 2007; Юревич, 2005).

Однако Ф. Е. Василюк, отмечая, что «разрыв между психологической практикой и наукой стал увеличиваться и достиг угрожающих размеров» (Василюк, 1996, с. 26), заключает: «К сожалению, приходится диагностировать не кризис, но схизис нашей психологии, ее расщепление. Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью, как две субличности диссоциированной личности» (там же), «а между тем для психологии сейчас нет ничего теоретичнее хорошей практики» (там же, с. 27).

Масштаб разрыва между психологической теорией и практикой отечественные ученые оценивают по-разному. Например, А. Б. Орлов, ссылаясь на непростые реалии научной жизни в постсоветском обществе, полагает, что теория и практика в психологии находятся

даже в состоянии конфронтации (Орлов, 2012). По мнению В. А. Мазилова, «разрыв между теорией и практикой в психологии, существовавший в 1920-е годы (о нем писал Л. С. Выготский в 1927 г.), ныне углубился и превратился в глубокую пропасть – в первую очередь, по причине многократного увеличения масштабов психологической практики» (Мазилов, 2006, с. 25). Более мягкую оценку сложившейся ситуации дает А. В. Юревич, который утверждает следующее: «Хотя „разрыв“ между практической и академической психологией по-прежнему существует, он уже не выглядит как непреодолимая пропасть, и наблюдается их интенсивная и разноплановая конвергенция» (Юревич, 2007, с. 518). При этом ученый уточняет, что расхождение между исследовательской и практической психологией тем не менее сохраняется: «Практическая психология по-прежнему опирается преимущественно не на то знание, которое генерирует исследовательская, а использует иной терминологический аппарат, свои объяснительные принципы и т. п. Т. е. разобщенность „двух психологий“ сохраняется ... и пока трудно уловить какие-либо тенденции к радикальному изменению ситуации» (Юревич, 2012, с. 129).

Данная разобщенность пролегает не только в когнитивной плоскости науки, но и в социальной сфере. Ф. Е. Василюк в 1996 г. писал о существовании разных психологических сообществ – академического и практического, которые практически не пересекаются (Василюк, 1996). В 1999 г. А. В. Юревич также фиксирует этот факт: «Исследовательская же и практическая психология, обладая всеми различиями, характерными для разных парадигм, развиваются к тому же различными сообществами, и поэтому их следовало бы обозначить не как конкурирующие парадигмы, а как различные социодигмы» (Юревич, 1999, с. 7). Однако сегодня ситуация в социальной плоскости российской психологии несколько изменилась. В статье 2012 г. А. В. Юревич уже констатирует, что между исследовательской и практической психологией постепенно «наводятся мосты», особенно в социальной плоскости – как «сближение соответствующих страт психологического сообщества» (Юревич, 2012, с. 129). Тем не менее существенно и то, что «сообщества психологов-исследователей и психологов-практиков, хотя во многом и пересекаются, все-таки достаточно далеки друг от друга» (там же).

Сближение исследовательского и практического сообществ в психологии обусловлено социокультурными условиями в России 1990–2000-х годов. Рыночные отношения и сформировавшийся в нашей стране общесоциальный монетократический культ способство-

вали лавинообразному росту психологических и квазипсихологических практик на фоне материального обнищания фундаментальной науки. Для ученых-психологов практика открыла возможности нормального заработка, а потому произошел определенный отток психологов из исследовательской в практическую сферу. С другой стороны, со временем многие психологи, исходно занимавшиеся практикой и достигшие в ней успеха, захотели «легитимизировать» свои практические достижения в академической сфере и стали приходить в науку – защищать диссертации, совмещать консультирование и психотерапию с работой в научно-исследовательских институтах и университетах и т. п.

Необходимо отметить, что с особой остротой проблема разрыва исследовательской и практической психологии обсуждается именно в российской науке. Как верно подметил А. Б. Орлов, «рассогласованность, схизис фундаментальной психологии и психологической практики как одно из важнейших проявлений *кризиса психологии* – давняя и неизбывная тема для *отечественных теоретиков и методологов психологической науки*» (Орлов, 2012, с. 124; курсив мой. – А. Д.).

Острота отечественных дискуссий на данную тему в отличие от обсуждений в зарубежной англоязычной психологии, где вопросы методологии в настоящее время не лидируют среди других проблем, объясняется тем ощущением кризиса, которое в настоящее время переживает российское психологическое сообщество. Для этого ощущения есть не только внутринаучные причины, но и социокультурные, а также психологические детерминанты и факторы. Утрата большим количеством российских ученых веры в марксизм как в единственно правильное учение о природе человека и общества и, как следствие, прогрессирующая идейная дифференциация психологического сообщества, сохранение однопарадигмального мышления отечественных психологов в условиях реальной полипарадигмальности науки, обнажение различных интернальных и экстернальных проблем отечественной психологии – все это привело российских психологов к переживанию кризиса в науке. При этом, по нашему мнению, настоящий кризис локализуется не в самом корпусе психологического знания и даже не в общенаучной сфере, а является выраженным через методологическую риторику *кризисом идентичности российских психологов*.

Данный кризис – *разрыв в культурной реальности прошлого и настоящего отечественной науки, противоречие, которое переживается как трудность, препятствующая адаптации к изме-*

нившимся социокультурным условиям профессиональной деятельности. В самом общем виде кризис идентичности заключается в неясности представлений, кто мы, российские психологии, сегодня? С какими мировоззренческими идеями и психологическими течениями следует себя отождествлять? К каким эталонам и ценностным ориентирам в науке и практике следует стремиться? Как примирить нынешние столь разнородные идеи, конструкты, методы в своем сознании и деятельности и тем самым достичь цельности в профессии?

Г. Е. Грубер, С. Л. Грубер правильно заметили, что кризис протекает не в пределах самой психологии, а где-то снаружи – в обществе, внутри нас самих (Gruber, Gruber, 1996). Справедлив и вывод И. А. Мироненко о том, что «кризис российской психологии начала XXI века – это в первую очередь... реакция на распад прежде единого профессионального сообщества» (Мироненко, 2008, с. 125). При этом кризис в России, как пишет В. А. Мазиллов, «переживается острее в силу особенностей нашей социокультурной ситуации» (Мазиллов, 2006, с. 25).

Острое переживание отечественным научным сообществом кризиса в психологии и в связи с этим переживание разрыва между психологической теорией и практикой обусловлено разными факторами, в том числе преимущественным теоретическим типом мышления российских психологов.

Известно, что одной из сильных сторон отечественной психологии советского периода была стройность, «прозрачность» методологической и теоретической базы. Вот как описывает эту особенность Б. Ф. Ломов: «Вопросам общей теории и методологии в марксистской психологии всегда уделялось первостепенное внимание. Именно эти вопросы дискутировались наиболее остро, были главными уже на заре ее развития» (Ломов, 1984, с. 45). Сложившиеся научные традиции и специфика психологического образования в нашей стране, долгие годы носившего фундаментальный характер, привели к формированию в профессиональной ментальности российского психолога теоретического типа мышления с высокими уровнем абстракции. Стремление выразить знание в «максимально абстрактных и бесспорных формулировках», как заметили А. А. Бодалев и В. В. Столин (Бодалев, Столин, 1988, с. 17), нередко приводит к тому, что исследование психической реальности подменяется обсуждением категорий и принципов психологической науки. Стремление к абстрагированию, чувствительность к противоречиям, задаваемые теоретичес-

ким типом мышления, при столкновении отечественных ученых с валом зарубежных концепций и психологических практик после падения «железного занавеса» в 1990-е годы однозначно усилили ощущение кризиса в психологии в целом и переживание «схизиса» между исследовательской и практической психологией в частности.

Не так давно то, о чем Ф. Е. Василюк писал 20 лет назад (Василюк, 1996), подытожили и А. Л. Журавлев с Д. В. Ушаковым: «Дело выглядит так, будто сегодня об одном и том же предмете – человеческой психике – существуют по меньшей мере два рода знания, один из которых экспериментально проверяем, но по каким-то причинам не отвечает потребностям психотерапевтической практики, а другой – наоборот, соответствует нуждам практикующих психотерапевтов и ими порождается, но плохо поддается экспериментальной проверке. Результатом идейного разделения оказывается социальное размежевание: сообществ, систем образования, ориентиров, авторитетов и кругов общения» (Журавлев, Ушаков, 2011, с. 6). Но так ли все выглядит, если взглянуть на ситуацию из-за пределов российского психологического сообщества?

Психологическая теория и практика в контексте зарубежных дискуссий о кризисе и постмодернизме в психологии

Зарубежные ученые, занимающиеся проблемой кризиса в психологии Дж. Р. Гёрцен (Goertzen, 2008), Т. Зиттен с соавт. (Zittoun et al., 2009), Д. К. О'Коннелл (O'Connell, 1996), К. Зальцингер (Salzinger, 1996), Г. Дж. Стам (Stam, 2004) и др., не называют в качестве отдельного кризисного симптома разрыв психологической теории и практики, в большей степени обсуждая фрагментацию и дифференциацию психологии на различные научные школы и направления. Однако исследователями отмечается разрозненность между самими теориями и практиками, а также несоответствие многих психологических знаний жизни. Л. П. Мос пишет: «Возможно, наиболее часто упоминаемым среди этих критериев (кризиса. – А. Д.) является фрагментация дисциплины, а именно огромное разнообразие и масштабы ее исследовательских практик, недостаток согласованности среди теоретических языков и ее, по-видимому, частая иррелевантность реальной жизни» (Mos, 1996, p. 359).

Само состояние психологии иностранные исследователи в отличие от российских ученых оценивают не столь единодушно, только некоторые полагают, что психология переживает кризис.

Анализ зарубежных работ показывает, что основные обсуждения общего кризиса в психологии идут по линии «единство–разобщенность» психологической науки. Основным индикатором кризиса, по мнению ученых, разделяющих данный диагноз, является *фрагментация и отсутствие единства* теорий, методологии, терминологии и т. п. (Bakan, 1996; Goertzen, 2008; Mos, 1996; Staats, 2004; Stam, 2004; Sternberg, 2005; Yanchar, Slife, 1997; и мн. др.). Сам кризис есть результат «сверхразвития» (Bakan, 1996), «неверного направления» развития психологии (Sarason, 1981). Ряд исследователей считают, что психология – заложница социокультурного кризиса, заключающегося во фрагментации человеческого общества, культуры в целом (Gruber, Gruber, 1996; Sarason, 1981).

По мнению некоторых зарубежных ученых, с точки зрения объема активности психологов, распространенности практической психологии в социальных сферах, профессионального статуса, количества публикаций психология продуктивна и успешна, однако находится в кризисном состоянии в том, что касается качества психологической деятельности, связи науки с решением жизненных задач (Bakan, 1996; Rieber, 2001). Д. Бакан называет это состояние психологии «трагедией нищеты» (Bakan, 1996). К. Зальцингер пишет, что, если в психологии и есть кризис, то он заключается в переориентации психологов с занятий реальной наукой в плоскость организационной активности: увеличения количества публикаций, заработной платы, поиска грантов и т. п. (Salzinger, 1996)

Некоторые ученые обращают внимание на то, что сам термин «кризис» применительно к состоянию современной психологии не совсем удачен, так как означает острое состояние, а понятие «хронический кризис» – по сути оксюморон (Gruber, Gruber, 1996; Goertzen, 2008; O'Connell, 1996). Д. К. О'Коннелл, несмотря на ряд проблемных аспектов современной психологии, считает диагноз кризиса антиисторическим, характеризуя нынешнее состояние психологии как «недомогание» (*malaise*) (O'Connell, 1996).

Исследователи Дж. Г. Бауэр (Bower, 1993), Р. А. Диксон (Dixon, 1983), Р. Дж. Келли (Kelly, 1998), У. Найссер (Neisser, 1995), Т. Зиттен с соавт. (Zittoun et al., 2009) полагают, что фрагментация психологии есть, по сути, ее здоровая дифференциация в процессе развития. Ощущения кризиса нет, а сама психология самодостаточна, социально отзывчива и находится в расцвете (McKenzie-Mohr, Oskamp, 1995; Stam, 2004; Ward, 2002). Г. Е. Грубер, С. Л. Грубер прямо говорят: «Существует ли кризис внутри психологии? В стагнации ли

она? Изолирована? Агонизирует? В целом, наш ответ – „нет“» (Gruber, Gruber, 1996, p. 348).

Примечательно, что Т. Зиттен с соавт. возражают нашему отечественному психологу А. В. Юревичу (Yurevich, 2009), предложившему рассматривать в качестве симптома кризиса фрагментацию психологии в трех измерениях: «по вертикали» – между направлениями психологии, «по горизонтали» – между естественно-научной и гуманитарной психологией и «по диагонали» – между исследовательской и практической психологией. Авторы называют данный анализ элегантным, но больше связанным с выбором метафоры, нежели с самим предметным полем психологии. Схема фрагментации через три заявленных измерения есть статичное описание, несущее надежду на одно общее решение через построение единой гранд-теории, надежду, которая, в конечном счете, утопична, ибо основана на неоправданной идеализации единства естественных наук. Авторы вопрошают: если фрагментация – болезнь, то каково здоровое состояние психологии? А может быть фрагментация – это просто неадекватное восприятие сосуществования разных феноменов: от нейропсихологических до идеологических? Т. Зиттен с соавт. отмечают, что не существует *a priori* общей иерархии науки как целого – всеобъемлющей системы, которая бы координировала все составные части; нет мировой психологической ассоциации, достаточно широкой, чтобы координировать и реорганизовывать все виды деятельности научных сообществ в составе общего целого, например, исследователей и практиков. Если посмотреть на динамику развития психологического знания, то его фрагментация есть естественный для развития процесс *дифференциации* целого, что есть показатель *прогресса* психологии. А преодоление негативных явлений, лежащих в плоскости коммуникации и координации деятельности ученых, необходимо решать через соучастие в совместных исследованиях, а не через поиск единственного решения (Zittoun et al., 2009).

Как видим, тема разрыва исследовательской и практической психологии в зарубежном англоязычном психологическом дискурсе не столь животрепещущая, как в российской науке. Это вполне объяснимо, так как в отличие от отечественной психологии, долгое время существовавшей практически исключительно в научной плоскости, некоторые зарубежные психологические направления (психоанализ, гуманистическая психология и др.) «выросли» из практики. Также многие концептуальные построения иностранных психологов все же «воплощались» в практической работе – пси-

хотерапии, консультировании, методах активного социально-психологического обучения и др.

Тем не менее в зарубежной психологии взаимоотношениям теории и практики определенное внимание уделяется. Так, Д. Бакан указывает на широкое распространение и разрастание психологической практики, которая обслуживает интересы частных заказчиков и достаточно закрыта и изолирована от науки: «Некоторые из лучших психологов, а также немалые усилия профессионалов оттянуты в закрытые частные сферы. Много психологов работает в частном секторе, обслуживая поручения клиентов, которые неплохо платят. Эти психологи-практики весьма слабо заинтересованы в продвижении психологии как науки» (Bakan, 1996, p. 337). С. Квале констатирует, что в западных сообществах в целом профессиональная практическая психология крепко держит свои позиции (Kvale, 1999).

В иностранной науке проблема разрыва психологической теории и практики фиксируется главным образом в контексте обсуждения постмодернистских перспектив психологии и вопросов социального конструктивизма. А. В. Юревич верно отметил, что в конце XX в. среди зарубежных исследователей возросло ощущение разрыва между академической психологией, сохраняющей влияние позитивизма, и практической психологией, впитавшей культуру и методологию постмодернизма (Юревич, 2012).

Так, К. Дж. Герген пишет, что школа постмодернизма является вызовом традиционным представлениям об индивидуальном знании, объективности и истине. Ее разработки, хотя и могут показаться враждебными психологической науке, однако они скорее очерчивают новый круг важных для культурной жизни вопросов о потенциалах традиционного исследования, методологии и практики (Gergen, 2001).

Сторонники постмодернистской идеологии считают, что академическая психология, оставшаяся в плену абстрактной технической рациональности*, не соответствует или даже вредна для практической психологии (Hoshmand, Polkinghorne, 1992), а тренды в практической психологии, как свидетельствует С. Квале, гово-

---

* Использующийся в англоязычном психологическом дискурсе термин «техническая рациональность» (technical rationality) сходен с тем, что в российской науке мы называем классической, позитивистской рациональностью, применительно к практике.

рят о ее сближении с постмодернистскими концепциями знания: «В то время как сейчас академическая психология становится музеем модернистской мысли, практические психологи сталкиваются с человеческим существованием в нынешнем мире лицом к лицу» (Kvale, 1999, p. 48).

Позиции исследователя, который «снаружи» наблюдает за разворачивающейся в социуме активностью и собирает фрагментарные данные, между которыми он затем «наводит мосты» путем воображения теоретических сущностей, Дж. Шоттер противопоставляет интерпретационный, герменевтический подход. С позиции этого подхода, осуществляя исследование в процессе практики, можно преодолеть разорванность и фрагментарность конструируемых знаний, в которых повседневный опыт исследователя-практика возвышается над теоретическим знанием академической психологии (Shotter, 1999). В этих условиях, без сомнения, актуален призыв К. Дж. Гергена: «Необходимы ученые, жаждущие быть смелыми, желающие сломать барьеры здравого смысла, предлагая новые формы теории, интерпретации, понимания» (Gergen, 1999, p. 27).

С позиции социального конструктивизма, близкого постмодернистской идеологии, осуществляется критика претендующих на научную объективность и истинность биомедицинских подходов в психотерапии (Anderson, Goolishian, 2005; Kenwood, 1999). Для психотерапии, основанной на социальном конструктивизме, свойственна контекстуальность, качественные методы. Человек, общность рассматриваются как языковые системы (Anderson, Goolishian, 1988; Anderson, 1997). Считается, что терапевт вместо того, чтобы выступать экспертом по психическим расстройствам, должен стать архитектором диалога между психологом и клиентом, проявив свои экспертные качества в создании и фасилитации конструктивного общения. Терапевт находится в позициях участника-наблюдателя и участника-фасилитатора терапевтического диалога (Anderson, Goolishian, 2005).

Как видим, при таком подходе различие между исследовательской и практической психологией практически нивелируется; обе психологии становятся социальными практиками создания языковых конструкций. Однако подобный радикализм, свойственный ученым, пребывающим в постмодернистском экстазе, присущ далеко не всем. Так, Д. М. Левин утверждает, что традиционные оппозиции «теория–практика», «индивидуальное–общественное» и др. им по-

добные, использующиеся в постмодернистском дискурсе, должны быть проверены на легитимность применения социальными и культурными реалиями. Ученый убеждает, что различие между теорией и практикой не существует *a priori* и не может быть зафиксировано раз и навсегда. Данное различие проводится скорее из практических, прагматических соображений – для определенных целей (Levin, 1991). *Различие* (distinction) при этом не означает *разделения* (separation), теория и практика не находятся в дуалистических отношениях взаимоисключения. И то, что называется теорией, и то, что называется практикой, на самом деле являются *двумя видами практики*. Не существует, пишет Д. М. Левин, практики без «теоретического» измерения, а теории – без «практического» (там же). Тем не менее, по мнению ученого, в современной психологии, к сожалению, следует выделять раскол между теоретической работой и экспериментальными исследованиями, между исследовательской психологией и клинической, терапевтической практикой.

Отношение теории и практики в психологии: пригоден ли эталон естественных наук?

Несмотря на определенные различия в отечественных и зарубежных дискуссиях последних 20 лет, в целом современное состояние взаимоотношения исследовательской и практической психологии при первом приближении предстает как «схизис», «разрыв», «раскол». С новой силой эта тема стала обсуждаться не так давно на страницах «Психологического журнала» (Журавлев, Ушаков, 2011, 2012; Юревич, 2012; Розин, 2012; Орлов, 2012; Жалагина, Короткина, 2012; Сухарев, 2012).

А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков считают, что «основная проблема заключается в том, чтобы проанализировать истоки этого разрыва, спрогнозировать дальнейшее течение событий и принять меры для оптимизации ситуации» (Журавлев, Ушаков, 2011, с. 6). Однако нам представляется, что эти прогнозы и оптимизация будут преждевременными без рассмотрения ряда проблемных аспектов, которые, возможно, позволят по-иному взглянуть на взаимоотношения исследовательской и практической психологии.

Следует задаться вопросом: *каковы в идеале должны быть эти взаимоотношения?* Этот вопрос – один из краеугольных, так как непонимание или отсутствие *эталона взаимосвязи психологической теории и практики* не только приводит к поиску решения пробле-

мы наобум, но и может поставить под сомнение само существование данной проблемы.

Данным вопросом вполне обоснованно задается А. В. Юревич (Юревич, 2012). Мы видим, что часто психологи, рассуждая о проблемах своей науки и практики, любят брать за эталон естественные науки – физику, химию, биологию и др. – и сравнивать психологию с ними. При этом очевидно, что аналогия между естественными науками и психологией весьма условна, если вообще возможна. Более того, как отмечает ученый, представления психологов о естественных науках нередко находятся на упрощенном бытовом уровне (там же).

Действительно, в теоретических позициях многих психологов по фундаментальным проблемам психологии можно увидеть представление о естественных науках как обладающих концептуальной стройностью, внутренним единообразием, непротиворечивостью теорий, объективным знанием и т. п. Естественные науки психологи иногда превозносят за образцовую взаимосвязь теории и эксперимента, за строгое соблюдение детерминистских схем. На примере этих наук демонстрируют различия между точными теоретическими законами и эмпирическими обобщениями, порицая психологию за то, что она продуцирует в основном только последние. Считается, что естественные науки добывают (открывают, конструируют) объективные и истинные знания.

Однако данное представление достаточно мифологично и соответствует лишь классическому идеалу естественных наук. В реальности же их объективность, теоретическая стройность, концептуальная непротиворечивость и четкое соответствие между теорией и практикой переоцениваются. Вспомним М. Полани, который утверждал, что любое знание, в том числе естественно-научное, – личностно, так как базируется на индивидуальных суждениях, а объективность вообще является ложным идеалом (Полани, 1985).

В. М. Аллахвердов в одной из работ развенчивает ряд мифов о естественной науке: миф о том, что теории опровергаются или принимаются в зависимости от их экспериментальной проверки; миф о том, что ученый обнаруживает законы в фактах, а не придумывает их и т. п. (Аллахвердов, 2003). Т. А. Жалагина и Е. Д. Короткина в ходе дискуссии о взаимоотношении исследовательской и практической психологии воспроизводят один из мифов о классической науке: «В течение многих веков любая область научного знания базируется на четком теоретико-методологическом постулате. Его

суть заключалась в том, что любое новое знание должно быть концептуально обосновано, доказано экспериментом и только после этого внедрено в практику» (Жалагина, Короткина, 2012, с. 137).

В. С. Степин, анализируя этапы развития естественных наук, констатирует формирование нового – постнеклассического типа рациональности и соответствующей картины мира. С позиции постнеклассики, научная деятельность рассматривается погруженной в социокультурный контекст и определяемой доминирующими в культуре ценностями (Степин, 2000, 2006). Действительно, ориентация современных психологов на классическое естествознание представляется анахронизмом. Верно заметил А. Г. Асмолов, что классический идеал рациональности стал «троянским конем», который философия и физика дали психологии в XX в. (Асмолов, 2002).

В своей дискуссионной статье А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков (Журавлев, Ушаков, 2011) приводят классическое понимание связи теории, эксперимента и практики, данное Б. Ф. Ломовым в 1980-е годы: теория должна верифицироваться (или фальсифицироваться) в эксперименте и потом вооружать практику достоверным знанием, а практика – поставить перед теорией новые вопросы и выявлять значение теории (Ломов, 1984). Данную схему А. Б. Орлов называет абстрактной и идиллической, подчеркивая, что она могла быть относительно адекватной реальности лишь в контексте плановой экономики и ведомственной науки советского периода (Орлов, 2012).

Попытки психологов «мерить» свою науку и практику «мерилом» естественных наук уходят своими корнями в далекое прошлое. Исторически, именно приход экспериментальных методов и формирование в психологии естественно-научной парадигмы знаменовали становление психологии как самостоятельной науки. Желание доказать себе и другим, что психология – такая же серьезная наука, как физика, химия, биология и т. п., заставило многих психологов поверить в то, что естественно-научный идеал – панацея от многих фундаментальных проблем: психофизической, психофизиологической, психогностической, проблемы предмета, метода, объяснительных принципов и т. п. Такие идейно непохожие психологи, как Э. Б. Титченер, стремившийся разложить внутренний опыт на элементы (Titchener, 1898), Дж. Уотсон, изгнавший из психологии «дьявола» – ментальные процессы, «заклучив» их в непознаваемый «черный ящик» (Watson, 1913), К. Левин, вдохновлявшийся верой в возможность открытия и формулировки универсальных за-

конов психики и поведения (Lewin, 1931), В. М. Бехтерев, предложивший проект рефлексологии как объективной психологии (Бехтерев, 1991), – все они верили в возможность построения научной психологии на основе классического идеала естественных наук. Даже основатель такого мифологического учения, как психоанализ, З. Фрейд искренне полагал, что его теория естественно-научна.

На волне естественно-научного энтузиазма в психологию пришли и закрепились технократические термины: «функция», «механизм», «система», «техника» и мн др. Они закрепились в понятиях «психическая функция», «психические механизмы», «психологическая система», «психотерапевтическая техника» и т. п. Психологи воодушевленно стали проводить эксперименты на людях и мышах, считать корреляции, изучая человека как объект живой природы, а психику – как аппарат (ориентировки, адаптации, коммуникации, переработки информации и т. д.). Осуществляя естественно-научный проект (в его классическом варианте), психологии удалось достичь неплохих результатов и построить большое количество фундаментальных (и не очень) теорий и концепций, установить, по словам В. М. Аллахвердова, «монбланы и гималаи» фактов поведения человека (Аллахвердов, 2003), а также практически реализовать некоторые академические знания в прикладных сферах – инженерии, военном деле, юриспруденции, эргономике, педагогике и др. Психологическая наука получила социальное признание и среди ученых-естественников, а также легитимизировалась в массовом сознании.

Тем не менее естественно-научный проект психологии, который на деле оказался позитивистским со всеми присущими позитивизму недостатками, в целом нельзя признать успешным.

Во-первых, несмотря на неоднократные попытки ученых заложить единый научный теоретико-методологический фундамент, психология так и не смогла преодолеть теоретической раздробленности на научные «епархии». До сих пор ни бихевиоризм, ни психоанализ, ни когнитивизм и другие психологические направления не проглотили друг друга и не интегрировались в некий единый корпус знания.

Во-вторых, оказалось, что провести «чистый» с точки зрения классических канонов естественных наук психологический эксперимент чрезвычайно трудно или вовсе невозможно. С. М. Морозов вообще считает, что гипертрофированное внедрение эксперимента, культивировавшегося психологами как самый важный, если

не единственный способ исследования, оказало на психологию разрушительное воздействие (Морозов, 2010).

В-третьих, в психологии накоплено огромное количество противоречивых эмпирических фактов, оформленных в виде эмпирических правил и обобщений, однако ей катастрофически не хватает точных универсальных теоретических законов. Отечественный философ В. М. Розин постоянно подчеркивает, что то, что психологи выдают за объяснительные *модели*, которые должны давать возможность рассчитывать, прогнозировать и управлять процессами, на самом деле являются *схемами*, которые лишь задают понимание феноменов и помогают организовать деятельность (Розин, 2009, 2012). Упираясь в сложность формулировки точных психологических законов, психологи делают «ход конем» – утверждают, что, дескать, психологические законы суть «законы-тенденции». Б. Ф. Ломов элегантно решает вопрос о неточности, вариативности и изменчивости психологических «законов», объявляя вариативность и изменчивость характеристикой самих психических явлений. Ссылаясь на Н. В. Пилипенко (1980), Б. Ф. Ломов пишет: «Законы, открываемые в психологии (как, впрочем, и в других науках), не выступают в виде некоторых абсолютов, жестко и однозначно определяющих связи между явлениями. Это – законы-тенденции» (Ломов, 1984, с. 109).

В-четвертых, сами психологические теории, которые, казалось бы, при наличии противоречащих им фактов должны быть отвергнуты (как того требует классический тип рациональности), в реальности сохранили (а некоторые даже упрочили) свое влияние в науке и практике.

В-пятых, считается, что нерешенными остались фундаментальные проблемы психологии: проблемы предмета, метода, объяснительных принципов, проблемы соотношения психического и физического, психического и физиологического, индивидуального и общественного, биологического и культурного и т. п.*

* Строго говоря, нерешенность этих проблем представляется декларативной. Дискуссионен вопрос о том, не являются ли некоторые из этих проблем – псевдопроблемами. Кроме того, следует различать предложенный вариант решения проблемы и его общепризнанность в науке. Например, С. Л. Рубинштейн, основываясь на теории отражения, предложил вариант решения и психофизической, и психофизиологической проблемы, рассмотрев в работе «Бытие и сознание» (Рубинштейн, 2012) психику как одну из форм отражения материальных явлений, а также как функцию мозга. Однако данное решение не стало обще-

В-шестых, естественно-научное знание (полученное и построенное по позитивистскому образцу) не смогло дать целостную картину функционирования психики, поведения человека. Психика в таком типе знания оказалась «разорванной» на отдельные функции, механизмы, акты, состояния. Утверждения психологов, что есть разные уровни психического, разные уровни детерминации, разные модели объяснения и т. п., хоть и объясняют существующую фрагментарность психологических знаний, но не способствуют их интеграции в целостность. Реальный психолог эту мозаичность носит в своей голове либо пытается самостоятельно найти способ увязать ее в целостность, построив видение человека в рамках собственного персонального мифа.

В-седьмых, естественно-научное психологическое знание не смогло вытеснить знание гуманитарное, которое не только не утратило своих позиций, но, наоборот, даже получило значительный рост влияния в последние десятилетия.

В-восьмых, мозаичное и фрагментарное психологическое знание, полученное в рамках классического естественно-научного проекта, оказалось малопригодным для консультативной и терапевтической психологической практики. Более категорично эту ситуацию оценивает С. М. Морозов, утверждая, что практические достижения психологии по сравнению достижениями естествознания близки к нулю (Морозов, 2010). «Психологическая практика, как это ни печально, – пишет В. А. Мазиллов, – чаще всего исходит из каких угодно «теорий», но только не из концепций научной психологии» (Мазиллов, 2006, с. 24).

Определенное разочарование в классическом естественно-научном идеале наблюдается как в отечественной, так и в зарубежной психологической науке. Ученые стали высказывать неудовлетворенность агрегатными методами в психологии, дробящими целостность психики и поведения на составные части (Bakan, 1996), исследователи обращаются к гуманитарному наследию понимающей и описательной психологии В. Дильтея и Э. Шпрангера (Корнилова, 2007; Mos, 1996; и др.). Во многих работах неоднократно указывалось, что психология стала «психологией психики», а не психологией человека, что в своем научном знании она «утратила» «душу» как исходный предмет исследования, что психологии следует стать

принятым в мировой психологии, что дает основание современным ученым считать, что эти проблемы до сих пор не решены.

человекоцентрированной и ориентироваться на эталоны гуманитарной парадигмы. Можно услышать, что психологическое познание должно быть диалогичным, субъект-субъектным, что сложные психические явления нельзя редуцировать к простым, а следует эксплицировать во всей их сложности и т. п. (Братусь, 1997, 2000; Зинченко, 1994, 2003; Морозов, 2010; Слободчиков, Исаев, 1995; и др.). В. М. Розин отмечает, что психология стоит на пороге нового этапа развития: ей свойственна ориентация на разные идеалы научного знания, а также наблюдается сдвиг в сторону идеалов гуманитарной науки и создание психологических практик (Розин, 2009). Т. В. Корнилова считает, что сейчас в психологическом познании осуществляется переход к целостности и отказ от понимания воздействующих причин, что знаменует формирование гуманитарной парадигмы (Корнилова, 2007).

В целом как бы ни идеализировали психологи естественные науки в их классическом варианте с их кажущейся органичной связью теории, эксперимента и практики, психологии никуда не деться от давно известных фундаментальных особенностей, отличающих ее от столь почитаемых естественных наук:

1. Недоступность психики как предмета исследования стороннему наблюдению. Единственный, кто может наблюдать психические явления непосредственно, – это их носитель.
2. Совпадение в психологическом исследовании позиций субъекта и объекта познания. Если в естественных науках субъект познания исследует вне него находящиеся природные явления (даже если их связь с субъектом не игнорируется, а учитывается, как при постнеклассическом типе рациональности), то в психологии субъект познания, по сути, изучает сам себя, включая собственные познавательные психические явления.
3. Материальность и идеальность психики. Не имея пространственной протяженности, подобно материи, тем не менее психика имеет материальный субстрат – мозг – и временную характеристику, а потому психические явления, как пишет С. Л. Рубинштейн, включены во всеобщую взаимосвязь явлений материального мира (Рубинштейн, 2012). Вместе с тем ученый отмечает, что, если взять продукт психической деятельности (например, образ, понятие и т. п.) в отрыве от условий его порождения, то он – идеален (там же).
4. Специфичность носителя психики – человека – как одновременно природного и культурного существа. Можно долго и упорно

человека «выносить за скобки» научного исследования или изучать его как организм, природное живое существо и при этом «не замечать» его отличий от животного. Однако такой подход, игнорирующий культурную специфичность человека, обречен в лучшем случае на неполноту и фрагментарность психологического знания, а в худшем – на искажение и извращение в нем сущности человека*.

Если не закрывать глаза и принимать в расчет эти особенности, вряд ли стоит ожидать того, что взаимодействие исследовательской и практической психологии можно выстроить в соответствии с эталоном классического естествознания. Мы считаем, что психологии необходимо отказаться от этого эталона и стремиться к поиску новых форм взаимодействия исследовательской и практической психологии с учетом ее специфичности, а также с ориентацией на неклассическое и/или постнеклассическое видение науки.

Фундаментальная психология и психологическая практика: нужна ли интеграция?

Другой важный вопрос, которым необходимо задаться, таков: *должна ли фундаментальная психология быть практичной, а психологическая практика базироваться на фундаментальных теориях?*

Авторы обсуждаемой в последнее время статьи «Фундаментальная наука и практика: проблемы и тенденции взаимодействия» А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков заявляют в начале, что в настоящее время расхождение между фундаментальной и практической психологией стало общепризнанным. Проведя глубокий и содержательный анализ причин и современных условий этого расхождения, ученые затем утверждают нечто противоположное: «Сегодня наработана и реально функционирует *схема взаимодействия*, следуя которой, фундаментальная наука выявляет общие закономерности возникновения... сложных жизненных ситуаций и поведения людей в них, устанавливает детерминанты успешности их разрешения, снабжает практиков конкретными знаниями о факторах, на кото-

---

* С этим утверждением многие психологи естественно-научной ориентации наверняка не согласятся. Однако сторонников гуманитарного подхода, сколь различно бы они ни понимали сущность человека, объединяет признание того, что человек есть нечто большее, чем биологическое существо.

рые необходимо воздействовать... и т.д.» (Журавлев, Ушаков, 2011, с. 9). К концу статьи создается впечатление, что исходно обозначенной проблемы вроде бы и нет, ведь, как пишут исследователи, «взаимодействие фундаментальной науки с психологической практикой происходит сегодня по разным линиям. В этом взаимодействии в выигрыше оказываются обе стороны. Психологическая практика получает от фундаментальной науки *новые методы*, а также *систему научных ориентиров* ... Фундаментальная наука, в свою очередь, получает содержательную подпитку от психологической практики в виде *новых идей*» (там же, с. 15). Тогда получается, что стремиться к устранению разрыва между фундаментальной наукой и практикой – все равно, что ломиться в открытые двери. Это некоторое несоответствие отмечено и А. Б. Орловым, который считает, что проблема все-таки есть (Орлов, 2012).

А. В. Юревич критикует данное идеализированное видение, приводя соответствующие примеры и аргументы. Так, пишет ученый, ссылаясь на ряд исследований, реальная история развития науки и технологий показывает, что развитие прикладных технологий напрямую не «вытекает» из достижений фундаментальных наук, а скорее является следствием предшествующей технологической деятельности (Юревич, 2012). Взаимоотношения между фундаментальной наукой и практикой строятся по принципу «воплощения» научного знания в определенном устройстве или процедуре. Суть принципа «воплощения» автор раскрывает следующим образом: «Из науки в практику переносится некоторая фундаментальная идея, которая обретает там новую жизнь и развивается в соответствии с запросами самой практики» (там же, с. 131). Поэтому, заключает А. В. Юревич, если бы не существовало «схизиса» между фундаментальной наукой и практикой, который удручает психологов, и «фундаментальщики» пытались бы изобретать технологии, тогда как технологи – параллельно заниматься фундаментальной наукой, то «это выглядело бы очень странно и не пошло бы на пользу ни тем, ни другим» (там же). Действительно, нередко в основе рассуждений психологов о разрыве между фундаментальной наукой и практикой лежат неадекватные ожидания в отношении фундаментальной науки. «Это примерно то же, что требовать от биолога умения удалять аппендицит или от физика – чинить телевизоры и холодильники» (там же). Продолжая ряд аналогий, заметим, что для того, чтобы заниматься успешно кулинарией, не обязательно знать органическую химию, биологию и тепловую теорию. Их знание может быть

в некоторой степени полезно, однако не гарантирует повару успех в приготовлении блюд. Необходимость разделения труда диктуется самой жизнью, и требовать от психолога-«фундаментальщика» практической ориентации просто неуместно. Полезно вспомнить слова профессора Ф. Ф. Преображенского из замечательной повести М. А. Булгакова «Собачье сердце»: «Я сторонник разделения труда. В Большом пусть поют, а я буду оперировать. Вот и хорошо, и никаких разрух». Остается к этому добавить: «...и схизисов».

Справедливо критикуя распространенное убеждение в том, что практика является критерием истины, А. В. Юревич формулирует ответ на тезис Ф. Е. Василюка «Нет ничего теоретичнее хорошей практики»: «Думается, что хорошая теория все же „теоретичнее“ хорошей практики» (Юревич, 2012, с. 131). Нет сомнений в том, что теории, как писал М. Бунге, «проверяются в лаборатории, а не на поле боя, в кабинете врача или на рынке» (Bunge, 1967, p. 336). Уместно привести и соответствующее высказывание С. Квале: «Практика легитимизируется своими результатами» (Kvale, 1999, p. 48), т. е. практикой. Эти утверждения вполне обоснованны. Ведь результатом фундаментального исследования является объяснение изучаемой реальности. Конечным же результатом прикладной или практической психологии, как пишет А. А. Грачев, является «не объяснение объекта, а проектирование воздействия на него (не в манипулятивном, а в гуманистическом смысле этого слова), основу прикладной психологии составляет проектирование и разработка технологий (естественно-научная парадигма) и сценариев (гуманитарная парадигма)» (Грачев, 2013, с. 23).

Чтобы избежать упрощенного видения проблемы отношений фундаментальной психологии и практики, не следует отождествлять фундаментальную психологию с исследовательской. Всякая фундаментальная психология – исследовательская, но не всякая исследовательская – фундаментальна. К исследовательской психологии следует относить и прикладную (практико-ориентированную) психологию. Несмотря на то, что и та и другая ориентированы на приобретение знания, у них разные задачи, они решают проблемы разного рода, а потому и знание, приобретаемое ими, различается. Новое фундаментальное знание выстраивается в логике решения предварительно обозначенных теоретических проблем и выдвигаемых для их решения гипотез, формулируется преимущественно на теоретическом языке и вступает в коммуникацию с уже существующими теориями, установленными фактами. При-

кладное (практико-ориентированное) знание выстраивается в логике решения задач практики (например, как и чем в определенной ситуации можно помочь клиенту психолога), формулируется преимущественно на языке практического действия (манипулирования с реальностью) и вступает в коммуникацию с уже имеющимися технологиями (сценариями) этого действия. С этой позиции фундаментальная психология не обязана иметь практический «выход» и становится, таким образом, практико-ориентированной.

Психологическая практика так же неоднородна, как и исследовательская психология. Под ней может пониматься, например, психодиагностика, психотерапия, психоконсультирование или психологическое просвещение и др. Таким образом, взаимосвязь исследовательской и практической психологии надо рассматривать дифференцированно. Например, А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков верно отмечают, что современная психодиагностика во многом строится на экспериментальных исследованиях и обосновывается фундаментальной наукой (Журавлев, Ушаков, 2012). Таким образом, «схизис», или разрыв, здесь не очевиден. Те же исследователи пишут, что «модели, разрабатываемые в экспериментальной психологии, в большинстве случаев оказываются бесполезными для психотерапевтов» (там же, с. 129).

Правда и то, что многие фундаментальные психологические идеи «воплощены» в педагогической практике. Однако это «воплощение» всегда опосредствованное практико-ориентированными теориями. Например, техники и приемы развивающего обучения построены на теориях развивающего обучения (Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова, Л. В. Занкова), которые, в свою очередь, «воплотили» фундаментальные идеи культурно-исторического подхода. Также в практических техниках программированного обучения Б. Ф. Скиннера «воплощены» фундаментальные идеи бихевиоризма посредством практико-ориентированной теории научения и т. д. Можно привести также примеры из инженерной психологии, психологии труда, психологии спорта и других отраслей.

Однако все те виды практики, которые предполагают *психологическую помощь* клиенту (консультирование, терапия, коррекция, профилактика), действительно слабо коммуницируют с фундаментальной наукой. Большое количество (если не большинство) теорий, объясняющих человеческое поведение, созданных практическими психологами, не выдерживают критики со стороны фундаментальной науки, а иногда просто смехотворны. При этом многие фунда-

ментальные психологические теории не имеют посредствующих звеньев в виде прикладных теорий (правильнее сказать, концепций) для связи с практикой. Именно поэтому у психологов возникает ощущение «схизиса» исследовательской и практической психологии в целом.

Ликвидировать этот «схизис» ученые предлагают по-разному. А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков считают, ссылаясь на типы научного знания, предложенные Я. А. Пономаревым, что психология должна разрабатывать синтетические модели действительности, характерные для действенно-преобразующего типа знания. Эти модели позволят интегрировать модели локальные, которые в большом количестве строит современная психология в рамках эмпирического типа знания, отражающего эмпирические закономерности, но не учитывающего внутрепредметные преобразования. Также ученые считают, что необходимо расширение психологической практики, в настоящее время сосредоточившейся вокруг решения проблем отдельной личности или малой группы, распространение этой практики на макропсихологический уровень – на диагностику и оптимизацию психологического состояния общества в целом (Журавлев, Ушаков, 2011). По мнению А. В. Юревича, для плодотворного взаимодействия исследовательской и практической психологии необходима переориентация первой с проблем, порождаемых абстрактной лабораторной логикой, на психологические проблемы, порождаемые реальной жизнью (Юревич, 2012).

Как было сказано выше, А. Б. Орлов считает, что отношения между психологической теорией и практикой сейчас находятся в состоянии конфронтации: «...в действительности теория *не* снабжает практиков знаниями, практика *не* обогащает теорию» (Орлов, 2012, с. 125). Ученый предлагает схему, при которой ни теория, ни практика не занимают доминирующего положения по отношению друг к другу, а «психологическому исследованию подвергается не испытываемый, а сама *психологическая практика* как взаимодействие психолога-практика (психотерапевта) с пациентом-клиентом» (там же, с. 126). По сути, в схеме А. Б. Орлова воспроизведено несколько в иной форме ранее предложенное Ф. Е. Василюком решение в виде психотехнического подхода, который, по мысли автора, переориентирует академическую психологию с исследования психики на изучение *работы с психикой* (Василюк, 1996). Однако с подобным решением согласны далеко не все. В. А. Мазилов заявляет, что предложение превратить психологию в психотехнику и, таким

образом, перейти от исследования психики к работе с психикой не вызывает энтузиазма. По его мнению, это лишит психологию возможности стать в будущем фундаментальной наукой и превратит ее в искусство (Мазиллов, 2006). Энтузиазм А. Б. Орлова не разделяют и А. Л. Журавлев с Д. В. Ушаковым, которые пишут: «Вряд ли можно согласиться с тем, что психология должна отказываться от исследования человека в любой другой среде, кроме случаев работы с психологом-практиком. Это было бы подобно требованию ограничить предмет исследования медиков взаимодействием врачей с пациентами. В этом случае мы бы рисковали получить очень искаженное представление о функционировании человеческого организма» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 130). Д. Е. Полкинхорн призывает психотерапевтов не стесняться, а выстраивать второй корпус знания, альтернативный знанию академическому (Polkinghorne, 1999). В условиях такого разнообразия мнений, каков же выход из создавшейся ситуации?

Практика фундаментальной психологии и теория психологической практики: за пределами привычной дихотомии

При дифференцированном понимании исследовательской психологии и неоднородности психологической практики диагноз «схизис», который ставится их взаимоотношениям, выглядит не столь однозначно. Если оценивать ситуацию с позиции психолога-практика, а именно специалиста по оказанию психологической помощи, то диагноз «схизис», расщепление, кажется правомерным. Действительно, многие психологические теории, рожденные в логике фундаментальной науки, просто не применимы в консультировании, психотерапии и других видах помощи. Также, если оценивать ситуацию с позиции психолога-«фундаментальщика», для которого концепция, порождаемые консультантами и психотерапевтами, наивны и эклектичны, то разрыв тут тоже будет заметен. Однако с позиции психолога-«прикладника», занимающегося прикладными исследованиями или непосредственной практикой в таких сферах, как психодиагностика, педагогическая психология, инженерная психология, психология труда и т. п., «схизис», о котором говорят психотерапевты и консультанты, становится неочевиден.

Сам термин «схизис» для обозначения несоответствия фундаментальной психологии и практики (в сфере оказания психоло-

гической помощи) не кажется нам удачным. Термин «схизис» (гр. *σχίσις* – «раскалывание», «расщепление») предполагает, что нечто, *исходно целое*, расщепилось, размежевалось на части. Однако это не соответствует генезису практической психологии как деятельности по оказанию психологической помощи. Вряд ли можно сказать, что когда-то раньше фундаментальная психология и, скажем, психотерапия составляли единое гармоничное целое. Если обратиться к генезису некоторых теорий практической и фундаментальной психологии, то можно увидеть следующую картину.

Многие объяснительные схемы (концепции) практиков (психоаналитиков, гештальтистов, гуманистических психологов и др.) возникли в ситуациях необходимости разработки и осознанного применения методов психологической помощи клиенту. В. П. Зинченко замечает: «Одно дело – теория, другое – практика, для которой не бывает готовых теорий» (Зинченко, 2002, с. 6). В отличие от исследователя, занимающегося фундаментальными проблемами науки и старающегося создать объективную, относительно истинную, логически непротиворечивую теорию (насколько это, разумеется, возможно), для практика, оказывающего психологическую помощь конкретному человеку и создающего для этого объяснительную схему (концепцию), важна не столько истинность этой схемы, сколько ее приложимость к решению задач практики, эффективность, технологичность и т. п. Д. Е. Полкинхорн подчеркивает, что для практики важнее «полезность» (utility) концепции, чем ее «правильность» (correctness) (Polkinghorne, 1999). При этом понятно, что объяснительная схема психолога-практика может быть в отдельных случаях даже нелепа с научной точки зрения, однако будет «работать».

Поскольку фундаментальная психология и психологическая практика создают объяснительные схемы *разного рода*, причем не только по самому содержанию, но и по способу их построения, ставить на одну доску психоаналитическую концепцию и культурно-историческую теорию – занятие бессмысленное: они призваны решать разные задачи. Мерить концепцию, «выросшую» из практики, мерками теории, родившейся в исследовательском поиске фундаментальной науки, – занятие полезное для интеллектуальных упражнений, но не приносящее пользы ни той, ни другой стороне. Как правило, итог такого анализа известен заранее: «фундаментальщик» найдет концепцию практика не соответствующей научным критериям (например, методологически ошибочной, экспериментально необоснованной и т. п.), а потому несостоятельной, а прак-

тик вынесет приговор фундаментальной теории как непригодной для практической работы (абстрактной, не технологичной и т. п.). Такое часто происходило, например, когда отечественные ученые с позиции культурно-исторического или деятельностного подходов анализировали концепции З. Фрейда, Э. Берна, К. Роджерса и др., порицая их построения за недоказуемость, эклектизм, субъективный идеализм и т. п.*

Аналогично дело обстоит со спецификой практического знания, рождающегося в недрах фундаментальной науки или в процессе оказания психологической помощи. Оно тоже *разного рода*. Практическое знание фундаментальной психологии – это, как правило, знание экспериментальное (шире – эмпирическое). Оно отличается от практического знания, приобретаемого в консультировании и психотерапии тем, что выстроено по канонам и критериям научного знания. Примеры исследований, формирующих знание данного типа, приведены А. Л. Журавлевым и Д. В. Ушаковым (Журавлев, Ушаков, 2011): исследование факторов, влияющих на глубину посттравматического стресса (Падун, Тарабрина, 2004), лонгитюдное исследование развития ребенка с пренатального периода (Сергиенко, 2006).

Практическое знание консультантов и психотерапевтов строится другим способом, например, по используемой объяснительной схеме, по типологии психологических проблем или психологических методов, по целям психологического воздействия и т. п. Их знание – это знание того, *как работать с реальностью*, а не знание о реальности. Вышесказанное можно обобщить в форме краткого тезиса: *у психологической практики есть своя теория, а у фундаментальной психологии есть своя практика*.

В этом, как нам кажется, заключается суть тех противоречий, которые ученые фиксируют как «схизис», раскол психологической теории и практики. По большому счету, *это не схизис, а иррелевантность друг другу обозначенных видов исследовательской и практической психологии*, выстраивающих параллельные системы знания. С этой точки зрения, правы и Ф. Е. Василюк, и А. В. Юревич. Действительно, «нет ничего теоретичнее хорошей практики» (Василюк,

---

* Автор этих строк также ранее не удержался от соблазна подойти с «меркой» научности к анализу основных постулатов такого одиозного практического учения, как нейролингвистическое программирование (НЛП) (Двойнин, 2006).

1996), если имеется в виду концепция практической психологии, и в то же время «хорошая теория все же „теоретичнее“ хорошей практики» (Юревич, 2012), если подразумевать теорию фундаментальной психологии.

Описанная иррелевантность имеет глубокие корни в самом различии исследовательской (фундаментальной) психологии и практической психологической помощи. Как верно заметил В. А. Мазилев, «совершенно ясно, что и по задачам, и по методам, и по содержанию самого психологического знания практическая психология – это особая область... Практическая психология возникает на других основаниях: в отличие от традиционной научной психологии она имеет „объектную“, а не „предметную“ ориентацию, она более „антропологична“, по терминологии П. Фресса» (Мазилев, 2007б, с. 12). Психолог-исследователь все же стремится открыть общие законы, увидеть обобщенные тенденции в психических явлениях и поведении, абстрагироваться от уникальности явления. Психолог-практик стремится помочь конкретному человеку как целостной личности с ее индивидуальностью и уникальностью. В этом смысле какая бы ни была научная психология – естественно-научной или гуманитарной, психологическая практика всегда *гуманитарна*. И если исследователь имеет право сказать, что «наука в настоящее время пока не знает, как это объяснить», то практик не может отказать в помощи клиенту на том основании, что, дескать, «психология пока не пришла к научно обоснованному решению о том, как вам помочь». Практик работает здесь и сейчас, и, если в исследовательской психологии нет пригодного для практической работы «материала» – теорий, понятий, рекомендаций, технологий, то практик создает их сам. И тогда неудивительно, что продукты его творчества иррелевантны академическому знанию.

Апофеозом волюнтаризма психологов-практиков, без всякой оглядки на науку продуцирующих новые концепции и манипулятивные технологии, выглядит нейролингвистическое программирование (НЛП), сторонники которого прямо заявляют: «Все, что мы собираемся вам сказать, – это ложь. Поскольку у нас нет требований к истинности и точности, мы постоянно будем вам лгать. Но если вы будете вести себя так, как будто наши утверждения действительно истинны, то убедитесь, что они работают» (Гриндер, Бендлер, 1992, с. 19). Практикам просто предлагается *поверить* на слово авторитетам НЛП. Подобный подход мало чем отличается от шаманства. С точки зрения методологии науки подобную позицию в практике

можно назвать даже не методологическим анархизмом (у которого есть хоть какая-то идеология[†]), а «методологическим гопничеством» – прямым отрицанием всякой научности и насмехательством над ней. Это лишь иллюстрирует масштаб иррелевантности исследовательской психологии и психологической практики.

Важно понимать, что в реальности исследовательская психология и психологическая практика развиваются в многообразных направлениях: внутри каждой из них есть разные векторы – от сближения и интеграции до размежевания. Поэтому вряд ли возможно найти единственное решение для них в целом – оно будет слишком обобщенным, а потому малопригодным.

Тем не менее мы считаем необходимым обозначить некоторые существенные моменты, которые помогут продвинуться в решении обозначенной проблемы.

Очевидно, что ввиду различий в задачах, методах, способах построения знаний между фундаментальной психологией и практикой психологической помощи, непродуктивными будут попытки сделать фундаментальную психологию практичной, а практику, наоборот, фундаментальной. Подобная интеграция привела бы к утрате их специфичности, поставив под сомнение само существование фундаментальной психологии и излишне технологизировав практику. Между фундаментальной наукой и практикой необходим «люфт», «зазор», сохранение основного способа их существования. Практика должна продолжать продуцировать свои концептуальные схемы и технологии, оставаясь в определенной мере искусством, а фундаментальная наука – свои теории и факты, достигая строгости и точности научного вывода. Противоречия между фундаментальной наукой и практикой при взаимном стремлении к коммуникации будут способствовать постановке новых научных проблем и практических задач, стимулировать создание инновационных методов и генерирование новых идей. Этот «люфт» является, по сути, одной из движущих сил продуктивного развития и взаимного обогащения фундаментальной науки и практики.

С другой стороны, в условиях их выраженной иррелевантности необходимо не требовать от фундаментальных теорий практического «выхода»[‡], а строить практикоориентированные «теории»

* Например, фейерабендовская (см. в: Фейерабенд, 2007).

† От них скорее следует требовать воздержаться от построения всеобъемлющих теорий, содержание которых обратно пропорционально их объему, а потому весьма незначительно.

меньшего масштаба – концепции реализации, «воплощения» фундаментальных идей в психологической практике. Эти концепции будут играть роль опосредствующих звеньев между фундаментальными теориями и технологиями. Если говорить конкретно о практике психологической помощи, то здесь можно только поддержать Ф. Е. Василюка и А. Б. Орлова в их призыве создавать концепции *работы с психикой* и приветствовать реализующие эту идею исследования, подобные трудам В. С. Измагуловой (2006), Е. И. Кирилловой (2010) и др.

Развивая эту мысль, мы предлагаем для обозначения подобных исследований применять термин «психовойтика» (от гр. ψυχή – «душа», βοήθεια – «помощь»).

Психовойтика – это раздел исследовательской психологии, предметом которой является процесс оказания психологической помощи (динамика, условия, концепции, методы и техники помощи, личность психолога и др.). Это также система научных знаний и практических мер по оказанию психологической помощи клиенту.

Как и во многих других отраслях научного знания, в психологической терминологии прижилось определенное количество слов с греческими корнями. Введение термина «психовойтика» органично продолжает эту традицию: психодиагностика (от гр. ψυχή – «душа», διαγνώστικός – «способный распознавать»), психотерапия (от гр. ψυχή – «душа», θεραπεία – «лечение»), психопрофилактика (от гр. ψυχή – «душа», προφύλαξη – «предупреждение»).

Речь идет не о создании новой научной отрасли, а о выделении и маркировке исследований и разработок определенного типа, а также о выработке нормативов для подобных исследований. Эта маркировка фиксирует некое концептуальное «поле» для встречи фундаментальной и практической психологии*.

Термин «психовойтика» кажется нам удачнее используемого в психологии термина «психотехника», так как последний имеет следующую смысловую нагрузку. Под психотехникой подразумевается либо прикладная область психологии, изучающая психологический аспект взаимодействия человека и техники, вопросы профессионального отбора и организации труда работников предприятий (вспоминаются Г. Мюнстерберг, И. Н. Шпильрейн, С. Г. Геллерштейн), либо – раздел психологии, посвященный техникам работы практи-

* А. Б. Орлов также предлагает местом их встречи сделать *самого психолога*, сочетающего психологическую теорию и практику в самом себе (Орлов, 2012).

ческого психолога – консультанта или терапевта (как понимает этот термин Ф. Е. Василюк).

Проект психовойтики в области психологии в некотором смысле аналогичен научной педагогике, исследующей средства (методы, формы и др.) практической работы педагога – деятельности обучения и воспитания. Другой подобной дисциплиной может служить медицина, понимаемая как система научных знаний о распознавании, лечении, предупреждении болезней или о сохранении и укреплении здоровья людей. И педагогика, и медицина создают концепции работы с реальностью. Таким образом, маркировка и выделение исследований процесса оказания психологической помощи выглядят вполне естественными и с учетом нынешних дискуссий о взаимоотношениях исследовательской и практической психологии актуальными.

Историческая роль в развитии психологии, которую может сыграть психовойтика – способствовать общей *гуманитаризации* психологии. Именно гуманитаризация в наибольшей мере фундаментальной психологии, возможно, приведет к уменьшению ее иррелевантности психологической практике. При этом остается выразить надежду, что между ними сохранится необходимый «люфт», который поддержит самобытность фундаментальной науки и позволит психологической практике остаться в определенной мере *искусством*, ценимым теми, кому оно реально помогло.

Литература

- Александров И. О., Максимова Н. Е. Заметки психологов-исследователей о позиции методолога (к статье А. В. Юревича «Психология и методология» // «Психологический журнал», 2000, № 5) // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 1. С. 123–131.
- Аллахвердов В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.
- Аллахвердов В. М. Блеск и нищета эмпирической психологии (на пути к методологическому манифесту петербургских психологов) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1. С. 44–65.
- Аллахвердов В. М. От «методологического одичания» психологов к светлому теоретическому будущему // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 4. С. 61–67.

- Асмолов А. Г. По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Бехтерев В. М. Объективная психология. М.: Наука, 1991.
- Бодалев А. А., Столин В. В. О перестройке в психологии // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 3. С. 16–25.
- Братусь Б. С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3–19.
- Братусь Б. С. Психология – наука о психике или учение о душе? // Человек. 2000. № 4. С. 30–41.
- Васильюк Ф. Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
- Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. В 6 т. М.: Педагогика, 1986. Т. 1. С. 291–436.
- Грачев А. А. Теоретические и методологические основания прикладной психологии // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 15–24.
- Гриндер Дж., Бендлер Р. Из лягушек – в принцы. СПб., 1992.
- Гусельцева М. С. Методологические кризисы и типы рациональности // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 3–15.
- Двойнин А. М. Научный аспект нейро-лингвистического программирования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 2. С. 148–150.
- Жалагина Т. А., Короткина Е. Д. Психология на пути интеграции науки и практики // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 137–140.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Теория и практика: взгляды с разных сторон (ответ на комментарий) // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 127–132.
- Завершнева Е. Ю. Проблема кризиса в современной психологии: историко-методологическое исследование: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
- Зинченко В. П. Психологические основы педагогики (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д. Б. Эльконина–В. В. Давыдова): Учебное пособие. М.: Гардарики, 2002.
- Зинченко В. П. Теоретический мир психологии // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 3–17.

- Зинченко В. П., Моргунов Е. Б.* Человек развивающийся: очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994.
- Измагулова В. С.* Внутренний диалог как механизм развития сознания: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Кириллова Е. И.* Интент-анализ психотерапевтической речи: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
- Корнилова Т. В.* Экспериментальная парадигма, или ложные дихотомии в психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 95–118.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Мазилев В. А.* Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 23–34.
- Мазилев В. А.* Проблема предмета и метода в психологии // Вопросы психологии. 2007а. № 1. С. 12–16.
- Мазилев В. А.* Методология психологической науки: проблемы и перспективы // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007б. Т. 4. № 2. С. 3–21.
- Мироненко И. А.* Кризис психологии: перманентный и системный или локальный? // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 119–127.
- Морозов С. М.* О так называемом современном кризисе в психологии // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 6. С. 98–106.
- Орлов А. Б.* Психологическая практика как предмет фундаментальной психологии (комментарии к статье А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова «Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия») // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 124–126.
- Падун М. А., Тарабрина Н. В.* Когнитивно-личностные аспекты переживания травматического стресса // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 5–15.
- Пилипенко Н. В.* Диалектика необходимости и случайности. М.: Мысль, 1980.
- Поддьяков А. Н., Вальсинер Я.* Выбраться из нищеты, не теряя блеска // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1. С. 102–111.
- Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии / Под ред. В. А. Лекторского, В. А. Аршинова. М.: Прогресс, 1985.

- Розин В. М. Психология: иллюзии идентификации и самоопределения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 4. С. 3–23.
- Розин В. М. Комментарии к статье А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова «Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия» // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 119–123.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012.
- Сергиенко Е. А. Законы методологии необходимы для науки // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1. С. 112–115.
- Сергиенко Е. А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Слободчиков В. И., Исаев Е. П. Психология человека. Введение в психологию субъективности. М.: Школа-Пресс. 1995.
- Степин В. С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006.
- Сухарев А. В. Методологический кризис в психологии – стратегия выхода // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 141–142.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ-Хранитель, 2007.
- Хомская Е. Д. О методологических проблемах современной психологии // Вопросы психологии. 1997. № 3. С. 112–125.
- Юревич А. В. Системный кризис в психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
- Юревич А. В. Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Юревич А. В. Интеграция психологии: утопия или реальность? // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 503–523.
- Юревич А. В. Исследовательская и практическая психология: еще раз о «схизисе» // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 127–136.

- Anderson H.* Conversation, language and possibilities: A postmodern approach to therapy. N. Y.: Basic Books, 1997.
- Anderson H., Goolishian H.* Human systems as linguistic systems: Evolving ideas about the implications for theory and practice // *Family Process*. 1988. V. 27. P. 371–393.
- Anderson H., Goolishian H.* The client is the expert: A not-knowing approach to therapy // *Therapy as social construction* / Ed. by Sh. McNamee, K. J. Gergen. London: Sage, 2005. P. 25–39.
- Bakan D.* The crisis in psychology // *Journal of Social Distress and the Homeless*. 1996. V. 5 (4). P. 335–342.
- Bower G. H.* The fragmentation of psychology? // *American Psychologist*. 1993. V. 48 (8). P. 905–907.
- Bunge M.* Technology as applied science // *Technology and Culture*. 1967. V. 8. P. 329–347.
- Dixon R. A.* Theoretical proliferation in psychology: A plea for sustained disunity // *The Psychological Record*. 1983. V. 33. P. 337–340.
- Hoshmand L. T., Polkinghorne D. E.* Redefining the science-practice relationship and professional training // *American Psychotherapist*. 1992. V. 47. P. 55–66.
- Gergen K. J.* Toward a postmodern psychology // *Psychology and postmodernism* / Ed. by S. Kvale. London: Sage, 1999. P. 17–30.
- Gergen K. J.* Psychological science in a postmodern context // *American Psychologist*. 2001. V. 56 (10). P. 803–813.
- Gruber H. E., Gruber S. L.* Where is the crisis in psychology? // *Journal of Social Distress and the Homeless*. 1996. V. 5 (4). P. 347–352.
- Goertzen J. R.* On the possibility of unification: The reality and nature of the crisis in psychology // *Theory & Psychology*. 2008. V. 18 (6). P. 829–852.
- Kelly R. J.* The crisis in psychology: Trouble in the temple // *Journal of Social Distress and the Homeless*. 1998. V. 7 (3). P. 211–223.
- Kenwood Ch.* Social constructionism: implications for psychotherapeutic practice // *Social Constructionist Psychology: A Critical Analysis of Theory and Practice* / Ed. by D. J. Nightingale, J. Cromby. Buckingham: Open University Press 1999. P. 176–189.
- Kvale S.* Postmodern psychology: A contradiction in terms? // *Psychology and postmodernism* / Ed. by S. Kvale. London: Sage, 1999. P. 31–57.
- Levin D. M.* The psychology as a discursive formation: The postmodern crisis // *The Humanistic Psychologist*. 1991. V. 19 (3). P. 250–276.

- Lewin K.* The conflict between Aristotelian and Galilean modes of thought in contemporary psychology // *Journal of General Psychology*. 1931. V. 5. P. 141–177.
- McKenzie-Mohr D., Oskamp S.* (Eds). Psychology and the promotion of a sustainable future // *Journal of Social Issues* (special issue). 1995. V. 51 (4). P. 1–238.
- Mos L. P.* Why we should bring about a crisis in psychology // *Journal of Social Distress and the Homeless*. 1996. V. 5 (4). P. 359–368.
- Neisser U.* The unity of psychology and of persons // *International Newsletter of Uninomic Psychology*. 1995. V. 15. P. 6–12.
- O’Connell D. C.* Die krise der psychologie? // *Journal of Social Distress and the Homeless*. 1996. V. 5 (4). P. 343–345.
- Polkinghorne D. E.* Postmodern epistemology of practice // *Psychology and postmodernism* / Ed. by S. Kvale. London: Sage, 1999. P. 146–165.
- Rieber R. W.* The problem of psychological distress and the crisis in psychology // *Psychology and Developing Societies*. 2001. V. 13 (1). P. 105–121.
- Salzinger K.* How many discovers do we need to avoid a crisis in psychology? // *Journal of Social Distress and the Homeless*. 1996. V. 5 (4). P. 353–357.
- Sarason S. B.* *Psychology misdirected*. N. Y.: Free Press, 1981.
- Shotter J.* “Getting in touch”: The Metha-methodology of a postmodern science of mental life // *Psychology and postmodernism* / Ed. by S. Kvale. London: Sage, 1999. P. 58–73.
- Staats A. W.* The disunity–unity dimension // *American Psychologist*. 2004. V. 59 (4). P. 273.
- Stam H. J.* Unifying psychology: Epistemological act or disciplinary maneuver? // *Journal of Clinical Psychology*. 2004. V. 60 (12). P. 1259–1262.
- Sternberg R. J.* Unifying the field of psychology // *Unity in psychology: Possibility or pipedream?* / R. J. Sternberg (Ed.). Washington, DC: American Psychological Association, 2005. P. 3–14.
- Titchener E. B.* The postulates of a structural psychology // *The Philosophical Review*. 1898. V. 7 (5). P. 449–465.
- Ward S. C.* *Modernizing the mind: Psychological knowledge and the re-making of society*. Westport, CT: Praeger, 2002.
- Watson J. B.* Psychology as the behaviorist views it // *Psychological Review*. 1913. V. 20 (2). P. 158–177.

- Yanchar S. C., Slife B. D.* Pursuing unity in a fragmented psychology: Problems and prospects // *Review of General Psychology*. 1997. V. 1. P. 235–255.
- Yurevich A.* Cognitive frames in psychology: demarcations and ruptures // *Integrative Psychological & Behavioral Science*. 2009. V. 43 (2). P. 89–103.
- Zittoun T., Gillespie A., Cornish F.* Fragmentation or differentiation: Questioning the crisis in psychology // *Integrative Psychological & Behavioral Science*. 2009. V. 43 (2). P. 104–115.